

Ю. ОКАМОТО

ПОЛЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ОБМЕНОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛАТВИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

На основе работ о социально-экономических изменениях в постсоветских обществах и полевых материалов, собранных в латвийской деревне в 2005–2006 гг., предлагается классификация социальных полей, каждому из которых соответствуют свои формы повседневных обменов (отношений) и категории их интерпретации. В основании классификации положены функции, которые в разных социальных полях выполняет алкоголь. Показано, что неопределенность ситуаций взаимодействия, возникающая в результате установления нового социально-экономического порядка в унаследованных от советского периода социальных полях, преодолевается в переопределении ситуации за счет реинтерпретации границ между привычными социальными полями. Одним из фасилитаторов реинтерпретации выступает русский мат, который позволяет на докатегориальном уровне начать интерактивный поиск приемлемой формы обмена.

Ключевые слова: поля повседневных взаимодействий, трансформации постсоветских обществ, переопределение ситуаций взаимодействия.

Распад Советского Союза открыл перед экономической антропологией широкую область постсоветских исследований. До недавнего времени изыскания в этой области были связаны с двумя вопросами: (1) какие формы обмена бытовали до транзита; (2) в каком виде они бытуют сейчас, внутри нового экономического порядка. Фокус внимания, главным образом, направлялся на неформальные сети [2] и

Окамото Юрий — магистр гуманитарных наук, докторант кафедры антропологии Гуманитарного факультета Осакского государственного университета. Адрес: 565-0871 1-2 Ямадаока, Суйта-си, Осака-фу, Япония. Электронная почта: okamoto@hus.osaka-u.ac.jp

Автор благодарит «COE Transnationality Research Graduate Students Fieldwork Subsidy Program» за финансирование двух экспедиций, материалы которых положены в основу настоящей статьи, и выражает признательность научному руководителю диссертации проф. Сатоси Накагава и коллегам Осаму Накагава и Эйсэй Куримото за замечания к ранним вариантам работы.

средства, используемые в разных формах обмена [1, 4, 5]. В обоих случаях исследователей, привыкших к рыночной экономике, привлекала ограниченная на постсоветской территории роль денег как средства обмена и вне рыночные типы отношений, на которых был и в какой-то мере остается построен социум.

А. Леденева особо подчеркивала важность сетей блата как «социальной ткани» прежнего общества, понемногу вытесняемых на периферию растущим значением денег. Эта новая роль денег была описана и проанализирована Д. Роджерсом, предложившим обозначать термином «ликвидность» степень «конвертируемости» в сельской России рубля, американского доллара, самогона и домашнего скота, отметив постепенную деградацию в новом стратифицированном обществе «сетей взаимопомощи» [5]. Дж. Патико доказала существование пространства обмена «знаками внимания», не являющимися ни персональными, ни официальными, в котором и оказывающие услуги, и принимающие их находятся как бы посередине между дружескими и официальными отношениями [4].

Эти детальные исследования показывают, что понимание социума, работающего на некапиталистической основе, требует внимания к типам отношений, в которых производится тот или иной обмен. И все же в них таится один коренной изъян: им не хватает теоретической схемы и общего словаря, которые бы позволили рассматривать особенности социального пространства прежних социалистических государств как единое целое.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы на основании материала, собранного автором в 2005–2006 гг. в одной латвийской деревне, предложить типологию социальных полей повседневных отношений, не нашедших полноценной интерпретации в предыдущих исследованиях.

Деревня

Деревня расположена на северо-западе Латвии, в Видземском крае — втором по уровню материальной обеспеченности районе в стране после Земгале. Ее население (судя по данным сельсовета) насчитывает 1560 человек. В основном это латыши, но есть также русские, украинцы и белорусы, которые приехали в 1970-х гг., когда государство предоставило местному совхозу ряд привилегий для привлечения рабочей силы из других республик СССР. К моменту перемен совхоз занимался тепличным и зерновым хозяйством, коневодством, мясным и молочным животноводством. После получения Латвией независимости совхоз, в конце концов, приватизировали. К 2008 г. бывшие масштабы сохранили лишь две отрасли: коневодство, отошедшее двум семьям, и зерновое хозяйство, которым владела одна семья.

Возможностей для трудоустройства в деревне немного. Помимо администрации, школы и оставшихся от совхоза отраслей есть всего

две, официально никак не документируемые сферы занятости: буйно расцветшая после приватизации отрасль древесных стройматериалов и браконьерство — ловля щуки и судака в озере. Рыбу продают в копченом или сыром виде, в самой деревне или в райцентре, что приносит браконьеру не очень солидный, но все же вполне приличный доход. К этим занятиям обычно обращаются люди с ограниченной мобильностью.

Нехватка рабочих мест, как, впрочем, и скудная оплата, восполняется временными заработками за рубежом, которые стали легкодоступны после вступления Латвии в Евросоюз. Все чаще молодежь подыскивает себе временные рабочие места в Великобритании, Ирландии, Германии, работая в лесном хозяйстве, строительстве и других отраслях, требующих физического труда. Обычно работу находят с помощью членов семьи или друзей; взаимодействие с населением принимающей страны сводится к минимуму, и по возвращении домой рабочие весьма немного могут рассказать о стране своего пребывания. Гораздо больше внимания уделяется тому, как вели себя те, с кем пришлось вместе работать, можно ли было их считать достойными доверия *своими*, могут ли они пригодиться для совместной *халтуры* и стоит ли их использовать в новом типе коллектива — фирме, — с большим трудом складывающемся в деревне.

Типы отношений

В социальном пространстве деревни мы различаем четыре социальных поля, которым присущи разные типы отношений: (1) между *своими* — обычно членами одной семьи (нуклеарной или расширенной) и ближайшими друзьями; (2) между людьми, совместно занимающимися *халтурами* — неофициальными разовыми заработками; (3) отношения «по-человечески», основанные на сильном неравенстве экономического и социального статуса сторон, сопоставимые, пожалуй, с отношениями раба и рабовладельца; (4) с внешним миром — *чужаками и начальством*.

Разумеется, нельзя утверждать, что любые отношения между индивидуумами полностью укладываются в один из этих типов. Скорее, каждое из этих полей представляет собой пространство поведения, не имеющее четких границ, в котором одни поступки считаются похвальными, другие — обязательными, третьи — недопустимыми. Конкретное отношение может включать признаки двух и более типов, а внутри однократного взаимодействия можно наблюдать переходы из одного поведенческого пространства в другое. Ниже делается попытка описать эти пространства и показать, как они функционируют на практике.

Отношения со *своими*. Исчерпывающе определить категорию *своих* трудно, поскольку она включает на первый взгляд совершенно

разные связи: с детьми, родителями, родственниками, свойственниками и друзьями. Облегчая задачу, мы оставляем без внимания родственные связи, чтобы взглянуть, как среди *своих* функционирует алкоголь — главное средство обращения едва ли не в любом повседневном обмене в прежнем Советском Союзе [1].

Спиртное — отправная точка отношений между *своими*, доказательство их аутентичности и, наконец, главная непосредственная компенсация товаров и услуг, предоставленных одной стороной другой. Люди пьют вместе, чтобы стать *своими* и, сильно захмелев, раскрывают друг перед другом нечто сокровенное. Если оба откровенны настолько, чтобы открыть эквивалентные по объему приватные сведения, и если на следующий день к вечеру не окажется, что доверенные тайны стали достоянием всей деревни, они будут считать друг друга *своими*. Этот пункт мы и будем считать точкой отсчета отношений типа *свои*.

Если кто-то из *своих* одолжил вам машину, распахал ваше поле на своем тракторе или подыскал вам работу, естественный способ отблагодарить его — «посиделочка», то есть долгое совместное сидение с распитием соответствующих напитков. Любое другое вознаграждение за труд — деньги, товар, информация или услуга — возможно только по прошествии времени, достаточного, чтобы вознаграждение не выглядело таковым. *Свой* всегда должен помогать и в случае надобности сам обращаться за помощью. Помощь *своему* должна оказываться даже в том случае, если она причиняет урон собственной семье или карьере. *Свои* — это фундамент для самооценки, самоуважения и чувства собственной идентичности. В конечном счете, не так важно, что скажет начальник, какую оценку поставят на экзамене и как пройдет собеседование в фирме. Проблемы внешнего мира всегда можно решить в узком кругу *своих*. *Свои люди* — пьют вместе.

Среди *своих* позволено многое. Среди своих готовы простить несбалансированность взаимных обменов, ложь и даже насилие. Самая большая угроза для отношений между *своими* — предательство. Мне известен случай, когда группа из троих рыбаков — отец, сын и еще один *свой* — обнаружили воришку из райцентра, который регулярно наведывался к их сетям и присваивал добычу. Сын несколько раз ударил вора и, в конце концов, сбросил его в озеро. Вор выбрался на берег и сказал: «Не бейте меня, мужики. Вы ведь Эгилса знаете? Так он друг мне». Отец рассказывал мне, что он, глядя на то, как его сын избивает вора, на какой-то момент растрогался жалким видом воришки, но сказанные слова снова ожесточили его: «Погоди-ка, парень. Друг Эгилса, говоришь? И что с того? Ты тут наделал дел и заплаатишь нам за это. А вот Эгилса я здесь не вижу, и, слава богу, что его

здесь нет. Предательства я не потерплю. Вмажь-ка ему, сынок, еще разок, да как следует».

Вор пытался для защиты в трудной ситуации использовать свои отношения с Эгилсом — человеком из соседней деревни, с которым отец одно время вместе *халтурил*. Но отец намеренно проигнорировал этот подтекст, демонстрируя, что, во-первых, никакая внешняя сила не может сработать внутри деревни, а, во-вторых, ставя Эгилса в положение, в котором тот должен отвечать за поступок вора, вор *предал врагу одного из своих*. На что отец как бы говорил ему: предательство — еще худшее преступление, чем кража.

Таким образом, отношения между *своими* представляет собой интимное пространство безденежного обмена, строго охраняемое от посторонних.

Отношения халтуры. Пространство *халтуры* также легко интерпретировать в связи с алкоголем. Если *свои* вместе пьют, то связанные *халтурой* обмениваются товарами, трудом, получают от этого обмена прибыль, но пьют порознь¹.

Например, если надо переложить печь, построить баню, выкопать картошку или вспахать поле и вы не можете или не хотите использовать кого-нибудь из *своих*, вы можете обратиться к *халтурицику*, или *taltsienik*'у (латышское слово с тем же значением). Вы должны будете, сразу или через некоторое время, отблагодарить его трудом или какими-либо товарами, редко деньгами. Сверх того, каждый день, пока идет работа, вы должны его бесперебойно снабжать алкоголем. Обычно наниматель обеспечивает работников пивом, но иногда, особенно если занят только один работник, оценку качества работы и общее свое расположение наниматель может выразить «плоской». «Плоская» — это небольшая и плоская бутылка водки, легко помещающаяся в кармане. По вместимости она предназначена для распития работником в одиночку, и я никогда не видел, чтобы *халтурицику* давали поллитровую или еще большую — вроде тех бутылок, что пьют *свои на посиделочках*, если только бутылка не является валютой как таковой, то есть оплатой сделанного труда. В этом случае *халтурицик* берет бутылку домой, дабы распить ее вместе со *своими*. Аналогичную функцию может выполнять копченый судак, добытый браконьерством (редко пойманный законным образом) в озере у деревни. Здесь граница между *своими* и *халтурой* проводится четко: копченого судака часто едят между *своими* на *посиделочках*, но в случае *халтуры*

¹ А. Леденева и другие исследователи описывают практически то же пространство термином «блат». Разница, пожалуй, состоит в том, что в «халтуре» обмен происходит в сфере труда, а в блате — в сфере товаров, услуг или информации.

рыбина обычно всего одна, и *халтурищик* несет ее домой, чтобы есть ее не вместе с работодателем, а вместе со своими *своими*².

Патико, говоря о практике подарков занятым обслуживанием населения, — учителям, парикмахерам, врачам и т. п., — отмечает, что посредством таких подарков дающие и принимающие признают друг друга «не вполне индивидуализированными персонами... но, по крайней мере, более похожими на человеческие особи, чем равнодушный бюрократ, у которого есть только публичное лицо» [4, р. 362]. Перефразируя это положение, я бы сказал, что отношения типа *халтуры/блата* занимают промежуточное положение между пространством *своих* и сферой отношений с властями, о чем мы собираемся сказать далее. Патико прибавляет также, что выбор подарка — в ее случае коньяк и шоколад — свидетельствует о том, что дающий признает принимающего подарок как «социально значимую персону», которая использует подарок для социализации. Однако она недооценивает это обстоятельство и в заключение своей статьи утверждает, что эти подарки, демонстрирующие наличие изделий, желаемых всеми независимо от личного вкуса, образуют «признанную всеми социальную общность», «разделяемые всеми нормы общения», показательные для общества в целом [4]. В этом ее точка зрения сходна с позицией Леденевой, для которой сети «блата» в прежних социалистических государствах составляют социальную ткань как таковую. Здесь я хотел бы возразить, что «социальная общность», по сути дела, достигается только тогда, когда участники признают друг друга членами иной группы *своих* и в этом качестве взаимодействуют между собой. Понятия «халтура» и «блат» следует понимать как отношения между членами разных групп *своих*; выступающий в качестве подарка алкоголь (или коньяк и шоколад в случае с врачами и учителями Патико) принимается повсюду именно потому, что любой получатель может затем его употребить вместе с группой *своих*.

Мне это стало очевидно вследствие такого эпизода. Машину, которую вел один из моих информантов, остановил полицейский за превышение скорости. Диалог происходил в официальном тоне до момента, пока мой информант в оправдание чрезмерной скорости движения не сказал озабоченно, что он «в самом деле страшно спешит». «Страшная спешка» сама по себе для моих японских ушей никаким оправданием служить не могла, полицейский на это сказал: «Половиночку?». Имелось в виду, что полицейский не будет докладывать о нарушении, а в обмен на это желает получить половину

² Символизм алкоголя в этой ситуации весьма тонко подметил Роджерс, описывая, как халтурищик тщетно пытался стать *своим* для нанимателя, настаивая на совместном распитии только что полученной бутылки [5].

стандартной суммы штрафа, чтобы взять ее себе. Как потом объяснил мой информант, обе стороны выполнили свой долг и в то же время получили выгоду друг от друга. Нарушитель был наказан, но заплатил лишь половину довольно солидной суммы штрафа. Полицейский наказал нарушителя и при этом получил отрядную прибавку к своему скудному жалованью. Но самый главный пункт, имеющий касательство к нашим рассуждениям, состоит в следующем. Если оба участника коммуникации равны в статусе и оба выигрывают от обмена, тогда их взаимодействие, по определению, попадает в категорию *халтуры*. И триггером, переключившим официальные отношения в рамки *халтуры*, послужила искренне произнесенная фраза «страшно спешу», которая оправдала нарушителя именно тем, что по сути своей оправданием она служить не могла. Ее функция состояла в том, чтобы обозначить существование каких-то исключительно личных причин — например, какого-то близкого *своего* человека, требующего немедленной помощи, — по которым нарушитель и превысил допустимую скорость. Говоря, что он «страшно спешит», и только это, нарушитель обозначал себя членом некоей группы *своих*, и полицейский признал его таковым. Таким образом, можно утверждать, что признание собеседника членом некоей группы *своих* путем вручения алкоголя или какого-то другого подарка, который получатель может использовать среди *своих*, как раз и становится фундаментом отношений *халтуры*.

Иногда ответная услуга оказывается партнеру по коммуникации не сразу, и тем самым создается впечатление, что отношения блата и *халтуры* так же альтруистичны, как отношения между членами группы *своих*. Так, Леденева, признавая взаимную природу блата, все же подчеркивает важность риторики «человечности» и «взаимопомощи» [2, р. 205–206], используемой для объяснения своего поведения «блатмейстерами». Она верит, что альтруизм сетей блата служил тканью, реально связывающей людей, и сожалеет о том, что прежний социальный импульс постепенно меняется на чисто функциональный [2, р. 200]. Судя же по материалам моих полевых исследований, попытка усмотреть связь между *блатом* и *человечностью*, по крайней мере, применительно к обитателям латвийской деревни, может ввести в заблуждение. Попытаюсь обосновать это мое утверждение.

Блат и *халтура* основаны на холодном расчете, и мне доводилось много раз слышать, что та или иная работа должна быть выполнена, потому что тот, кто просит о ней, — человек нужный. Риторика *взаимопомощи* действительно иногда используется для объяснения отношений в рамках *халтуры*, но эти объяснения описывают скорее должное, чем действительное. А действительность показывает, что отношения в рамках *халтуры* не становятся такими же тесными и

крепкими, как связи между *своими* — подлинными (и наиболее ценными) отношениями *взаимопомощи*. Впрочем, даже отношения среди *своих* нельзя назвать альтруистичными, поскольку со временем баланс взаимных обменов так или иначе достигается. Но когда одна из сторон отношений *халтуры* не может более предоставлять работу (или, в случае *блата*, информацию или товар), связь между такими людьми попросту сворачивается. Я слышал весьма красноречивый диалог, иллюстрирующий это положение: 55-летний плотник как-то пригласил меня *на халтуру* — помочь ему выкопать картошку. При нашем разговоре случайно оказался другой человек; ему было за 70, и в прошлом он состоял с плотником в отношениях *халтуры*, но к тому времени по возрасту уже выбыл с рынка «халтурных отношений». Разговор разворачивался следующим образом:

Плотник (глядя на меня): Видишь вот этого старика? Так он теперь уже ни на что не годен. Раньше-то мог, а теперь гляди на него...

Старик: Да уж, я уж одной ногой в могиле.

Плотник: Теперь, сам понимаешь... мы уж не можем... понимаешь... друг другу... в общем, вот так вот.

Он вдруг смущенно посмотрел на нас обоих и сменил тему; вероятно, он собирался сказать: «мы уж теперь не можем получать выгоду друг от друга». Эти слова (как, впрочем, и первая, сперва показавшееся мне чрезвычайно грубой фраза) были своего рода извинением перед стариком, который на основании их прежнего взаимодействия мог ожидать приглашения *на халтуру*, или объяснением того, что на этот раз его не зовут. В то же время (по крайней мере для меня это прозвучало так) эти слова выражали своего рода сожаление по поводу хрупкости связей отношений *халтуры/блата*, которые не могут основываться на принципах *человечности*.

Изначальный расчет в рамках отношений *халтуры/блата* — это первый контраргумент против «этики человечности» Леденевой; эти сферы явно основаны на холодном расчете: «прибыль добываем вместе, пьем врозь». Второй контраргумент заключается в том, что выражение «по-человечески» используется для описания совсем иных отношений.

Отношения по-человечески. Когда алкоголику, который способен работать не больше двух часов в день, да и то едва-едва, дают работу (и тем самым возможность пить) за два лата в день, вместо того, чтобы нанять человека, который качественно проработает 8 часов в день (и запросит за это всего 10 лат), — поступают *по-человечески*. Когда вы разрешаете бомжу спать в сарае во дворе своего дома, даете ему еду, ожидаете, что он будет на вас работать, следовать за вами и повиноваться вам, вы поступаете *по-человечески*. Таким образом, если вы взаимодействуете с кем-либо *по-человечески*, это обычно означает

крайне неравноправные отношения, в которых одна сторона всегда только дает, а другая только принимает, причем первая сторона располагает практически неограниченной властью над второй. В отношениях «по-человечески» алкоголь совершает движение только в одну сторону — от рабовладельца к рабу — и никогда не имеет обратного хода.

Анекдотический случай выставляет отношения *по-человечески* в их истинном свете — как отношения неравенства. В нем использовалось другое народное понятие «по совести», но существенной разницы, пожалуй, нет. Итак, один удачливый делец из деревни был задержан на Украине милиционером за небольшое нарушение правил дорожного движения. Милиционер явно ожидал взятки, и бизнесмен, который вполне мог позволить себе отдать немалую сумму, хладнокровно ожидал, какая сумма будет ему названа. Патрульный же все тянул, в надежде, что «иностранный» делец предложит ему большую сумму, чем ту, которую он осмелился бы запросить. Наконец бизнесмен, потеряв терпение, спросил:

— Ну, сколько?

— Так по совести, — стыдливо ответил патрульный.

— Это по чьей еще? — быстро нашелся бизнесмен.

Суть тут в том, что краткое взаимодействие между тем, кто налагает штраф, и тем, кто его платит, как правило, попадает в один из двух типов: или в рамки *халтуры*, или в рамки «человек/власть», о которых я собираюсь говорить далее. Если полицейский решает вести себя как «начальник», взаимодействие сводится к официальному минимуму, и штраф оплачивается в форме и размерах, соответствующих установлениям. Если же он предпочитает отрешиться от своего статуса и взять деньги себе, отношения начинают разыгрываться в рамках *халтуры*, где обе стороны равным образом оказываются в выигрыше, как в случае, описанном в предыдущем разделе: нарушитель благополучно уезжает, заплатив лишь часть штрафа, а полицейский получает столь приятную прибавку к жалованью. Обе стороны довольны друг другом, и такое взаимодействие часто завершается взаимными благодарностями. Наш случай был иным: милиционер настаивал на том, чтобы взимание и выплата штрафа были произведены *по-человечески*, что было совершенно неадекватно ситуации, поскольку рабы, как правило, не платят денег своим хозяевам, а если и платят, то не они устанавливают сумму. Вопрос бизнесмена «по чьей?» в рамках наших рассуждений можно проинтерпретировать как «а кто здесь тогда главный? разве я?» На «этике человечности» выстраиваются неравноправные отношения, в которых спиртное всегда дает один, а другой — принимает.

Отношения с начальством. На протяжении всей истории Латвии власть, будь она российской, шведской, польской или немецкой, всегда приходила извне. Так было и в советский период, когда партийные руководители деревни были или русскими, или латышами из города; и очень редко был кто-то из деревни. В настоящее время ситуация несколько иная: остатки совхоза приватизировали несколько латышских семей, живущих в деревне и более или менее успешно управлявшихся со своим семейным бизнесом. Тем не менее, хотя теперь руководители — выходцы из той же деревни, отношение к ним в основе своей не поменялось. Его можно характеризовать следующим образом:

1. У начальства можно подворовывать.
2. Начальству можно приврать.
3. У начальства никогда и ничего не следует просить.

Причины такого этического кода кроются в том, что истинный *начальник* (чьи действия управляются не личной выгодой, как у всех остальных) никогда не воспринимается как полноценный человек. Идеализированный начальник и вовсе не является человеком, а неким непостижимым существом, единственный смысл жизни которого — отдавать неразумные приказы. Тема человека из *начальства*, не являющегося человеком, часто встречается в самых разных анекдотах о вождах Коммунистической партии и вообще о *начальстве*. Хороший пример тому классический анекдот о милиционере и кирпиче, где милиционер оборачивается к бросившему в него кирпич человеку со словами: «А если б кто [то есть человек. — Ю.О.] шел?».

Начальство оказывается не вполне человеческим существом и в повседневной жизни деревни, что более явствует из поведения, чем из разговоров. Все же мне довелось услышать выразительную историю, иллюстрирующую это положение. Женщина, вполне *своя* для одного из моих информантов, заняла влиятельный пост в конюшне и тут же перестала восприниматься остальными в качестве *своей*. И сама она так переменялась, что три ее подруги отказались работать под ее началом, а некоторые перестали с ней разговаривать и принимали от нее распоряжения только в письменном виде. Других *своих* у нее не было, и объяснить ее поведение предательством было невозможно. Но однажды, за несколько недель до своей смерти, она вдруг стала вести себя по-прежнему, словно предчувствуя близкий конец. Она умерла, как человек, — так сказал мне мой информант. Ясно, что обычно перемены не столь разительны, и *отсутствие признаков человека* у начальника в большинстве случаев проявляется только в рабочее время или в делах, связанных с работой. Тем не менее, в *принципе* «начальник» есть и остается *нечеловеком*, и если работа из *халтуры* превращается в официальный наем (закключается легальный

контракт, или одной из сторон удобнее рассматривать работу как официальную), тогда работник начинает смотреть на нанимателя по-другому. Он больше не обращается к нему с просьбами и автоматически решает, что теперь тип отношений позволяет и ложь, и кражу.

Но начальство как *нечеловек* — это идеал; обычно оно просто попирает интересы подчиненных во имя своих личных интересов и интересов группы *своих*. Это ярко проявилось в конюшне, где две семьи, ставшие во главе фирмы, с момента приватизации беспрестанно занимались борьбой за власть, продвижением своих и попирали тех подчиненных, с которыми их не связывают особые узы. Словом, от *начальства* человеческого отношения ждать не приходится.

Примечательно, что люди стараются по возможности избежать ситуации стратификации и сопровождающего ее антагонизма. *Народ*³, если ему надо что-нибудь от *начальства*, не идет в контору, а стремится подловить его на улице; вне стен фирмы или здания деревенской администрации *начальство* будет до некоторой степени лишено своих *нечеловеческих* оболочек, и там «если повезет, можно поговорить с человеком, а не с чином». Большинство моих информантов говорили, что они ни с кем из деревенских не разговаривают в вежливом стиле и избегают общения с теми, кто ждет от них вежливости. Чрезвычайно интересно и то, что все *начальники*, с которыми мне доводилось встречаться во время моих полевых исследований, старались не говорить о работе во вне рабочее время. Когда я прямо спрашивал их об их общественном положении, они всегда проводили четкое разделение между собственным мнением и мнением, которое им предписывает *чин*, и старались убедить меня, что вовсе не стремились занять свой властный пост: «Ну, кто-то ж должен тут сидеть, правильно? Лучше уж я, чем какой-нибудь ворюга». Все это дает основание говорить, что избегание и антагонизм, характерные для отношений с властями, не ограничены диадой *народ–начальство*, а присутствуют и взгляду *начальства* на самое себя.

И в пространстве *народ/начальство*, и в отношениях *почеловечески* один участник доминирует, другой подчиняется, и на первый взгляд может показаться, что эти поведенческие пространства идентичны. Однако, по сути, они различны. Отношения в пространстве *люди/начальство* всегда предполагает противопоставление группы *своих* некоему *начальнику-нечеловеку*.

В случае же «этики человечности» отношения инвертированы: есть некая группа *своих*, которые либо выступают в роли хозяев, либо

³ Здесь понятие «народ» употреблено в том смысле, который в него вкладывают информанты: я — простой парень, простой мужик, простая баба, в отличие от *начальников, иностранцев, интеллигентов* и т. п.

просто хвалят того, кто выступает в роли хозяина, за *человечность*, и есть раб, который *меньше, чем человек*. Первые выступают как высшие носители этой этики (обеспечивающей идеологический базис для отношений неравенства) и как обладатели власти (которая делает эту этику непреложной). Второй — покорный (или редко бунтующий) раб. Но главная существенная разница между двумя этими типами отношений располагается в другом измерении.

Отношения типа *народ/начальство* рекурсивно достигают самых высших слоев общества и, возможно, выходят за его пределы. Начиная с тесной и человеческой группы *своих*, например, конюхов в конюшне, которые относятся к своему *начальнику* как к *нечеловеку*, этот принцип далее воспроизводится в группе *человечных начальников* конюшни, которые не находят признаков *человека* в личности своего *начальника* — ветеринара из районной ветеринарной инспекции. В свою очередь, все ветеринары, работающие в этой инспекции, — близкие друзья, многие окончили один и тот же институт и многое готовы сделать для друга, но ненавидят своего начальника — *нечеловека* из министерства. Подобную схему мои информанты использовали, чтобы объяснить ментальность высшего руководства Латвии, которое, по их мнению, образует такую же группу *своих*, противопоставленную и подчиненную официальным лицам Евросоюза, то есть *нечеловекам*. Линия эта бесконечна, и, надо думать, что в ней нет ни единого человека, который готов признать свою идеально-начальническую идентичность и гордо заявить: «Да, я нечеловек». В отношениях, построенных на этике рабов и хозяев, таких обобщений нет. Таким образом, мы рассмотрели четыре типа отношений:

- (1) фундаментальную связь взаимопомощи между *своими*;
- (2) построенные на холодном расчете между равноправными членами разных групп *своих* отношения *халтуры* и *блата*;
- (3) неравноправный тип «этики человечности», который предполагает хозяина, или нескольких хозяев, входящих в группу *своих* и распоряжающихся одним рабом;
- (4) неравноправные отношения избегания и антагонизма между *своими* и *начальством*.

Далее мы рассмотрим, как эти отношения работают при новом режиме.

Изменения

В свободной постсоветской, постсовхозной Латвии возникает новая форма коллектива — фирма. Ее появление ставит две главные проблемы перед теми, кто с ней связан. Во-первых, встает проблема концептуализации субъекта прибыли. Любой фирме приходится чем-то жертвовать, чтобы выжить. Иногда прибыль образуется не сразу, иногда усилия работников долгое время и вовсе никак не вознаграждаются. Поэтому

нужна определенная концептуальная или риторическая основа, чтобы объяснить необходимость жертвы и ее протяженность во времени. Во-вторых, становится непонятно, какой из четырех типов отношений следует использовать сотрудникам и менеджменту. Эти две проблемы я и собираюсь рассмотреть.

В советскую эпоху субъектом, получавшим выгоду, всегда был индивидуум, или, в предельном случае, группа *своих*, к которой этот индивидуум принадлежит. Воровать у государства было рядовым социальным занятием, и вдобавок часто весьма похвальным [5, р. 67]. Описанные выше отношения с *начальником* служили моделью для любого взаимодействия с государством. Государство изымало у индивидуума плоды его трудов и возвращало тухлые объедки. Если вы сами не позаботились о себе, никто другой этого не сделает. Стало быть, вы заботились о себе сами. По дороге с поля вы завозили себе домой на грузовике столько картошки, чтобы ее продажа «налево» могла обеспечить семью на весь год. Вы продавали половину мяса, поступившего в магазин, где вы работали, тем людям, которые могли снабдить вас необходимыми услугами и вещами. И если вы попадались на этом, то и вы, и они, и все в деревне знали, что по части морали у вас все в порядке, но вам просто, в отличие от других, не повезло, когда вы попались с поличным.

Но фирма — это не государство; если каждый будет применять мудрость советских времен «что народное, то мое, а что мое — то мое» в условиях частной компании, воровать у фирмы, лгать и презирать ее, фирма просто моментально развалится. Поэтому возникает необходимость произвести сдвиг субъекта выгоды с отдельного человека на фирму, чтобы применить риторику: «прибыль компании когда-нибудь станет твоей прибылью». Пока это сделать не удастся. Фирмы еще не функционируют как субъекты выгоды. Хотя лозунги советского стиля вроде «наша цель — стать конюшней номер один в Латвии» иногда и предъявлялись мне как *чужаку* и исследователю, они не работают и не могут работать внутри фирмы. По сути дела, сейчас трудно сказать, ради чего и ради кого работают на предприятии те, кого не связывают родственные узы с семьями, стоящими у штурвала, и старое советское ощущение, что все подворовывают, по-прежнему доминирует.

Следующая проблема — отношения. Пространство *своих*, где легко просить и получать, даже если возмещение не воспоследует немедленно, лучше всего работает в небольшом бизнесе, который ведет одна семья. Оно не очень эффективно в фирмах, где у руля стоят несколько семей или где нанимаются люди со стороны, потому что в этом случае работники автоматически делятся на лагеря, и добиться интегрированной структуры оказывается чрезвычайно трудно.

Отношения *халтуры* также не соответствуют требованиям ситуации, поскольку не допускают неравенства среди участников, а потому содержат массу проблем для иерархически выстроенной компании. Отношения *по-человечески* предполагают полное повиновение и зависимость, и поэтому не работают в том случае, когда от подчиненного требуется самостоятельное принятие решений. Все это представляет проблему для фирмы, потому что ее функционирование требует хотя бы какого-то риторического пространства, в котором можно применить власть, можно отдать распоряжения, которые будут выполнены. Попытки найти выход, руководствуясь традиционными типами отношений, порождают ощущение тупика. Однако возможности все же остаются.

Переопределение ситуации. Эту проблему в какой-то степени (и только временно) решают путем перевода взаимодействия из одного типа в другой. Если *начальство* находится в зоне своего официального, *нечеловеческого* статуса, оно, разумеется, может отдавать приказы, но они будут исполняться, только пока работник находится в поле зрения. Настоящее *начальство* не бывает *человеком*, поэтому нет моральных правил, предписывающих послушание тогда, когда никто рядом не стоит с поднятой плеткой. Соответственно, *начальство* пытается восстановить свой *человеческий* статус, не отказываясь от своих прав.

У начальника есть два способа исправить свой статус *нечеловека*. Первый — это описать задание, неважно, по договору или без, как нечто находящееся между нормальным наймом и *халтурой*. Это делает начальника до какой-то степени *человеком*, что вредит производительности и представлению об этом начальнике среди других начальников. Проблема кроется в том, что структурирование отношений *халтуры* отменяет власть как таковую, и работник получает возможность сам выбирать, как работать, когда работать и когда не работать. Я слышал историю о том, как *халтурищик* решил, что, поскольку он знает дело гораздо лучше своего нанимателя, по сути дела, начальник — он сам, а поэтому вправе принимать любые, даже самые важные решения. Он стал вести себя соответственно и в результате, хотя наниматель ценил его весьма высоко, был уволен. Таким образом, вести игру на полпути между рамками *халтуры* и отношений *народ/начальство* следует с крайней осторожностью.

Второй способ поправить свой статус *нечеловека* — положиться на риторику *человеческих отношений*, то есть скрыть волчью морду под овечьей маской и играть роль доброго хозяина до тех пор, пока *работник* не уступит *начальнику* право быть *человеком*. В силу вышеописанных причин этот переход может быть только временным.

Один случай, иллюстрирующий этот риторический сдвиг, произошел в конюшнях, которыми управлял тридцатилетний сын последнего

председателя совхоза, управлявшего всем процессом приватизации и сделавшего, в конце концов, конюшни собственностью своей и еще одной семьи. Молодой управляющий однажды возвращался на машине домой и решил проверить состояние лошадей. Прямо посреди двора он обнаружил работников конюшни в разгаре пирушки с выпивкой, фонарями и музыкой. Как только веселящиеся увидели его, они ринулись прочь и не оставили никакой возможности опознать их. На следующий день управляющий выстроил весь штат, пытаясь добиться признания от виновников происшествия. Поскольку начальник всегда выступает как *чужак* и продать друга начальнику — это худшее из преступлений, никто ни в чем не признался. Сначала начальник заставил всех выполнять ненужную грязную работу, а затем изменил свою позицию, представ перед ними уже не грозным тираном, а *человеком, оскорбленным в лучших чувствах*: «...если вы мне не говорите правду, то как же я тогда буду говорить вам правду?». Он сказал, что они ведут себя не «по-человечески» и теряют свое «человеческое достоинство», скрывая правду. В конце концов, каждый из участников пирушки пришел к нему в частном порядке, сделал свое признание, не называя имен собутыльников, и получил прощение. Таким образом, во-первых, можно было не опасаться за сплоченность коллектива — тесной группы *своих*, во-вторых, авторитет власти не был ущемлен, и, в-третьих, диалог, если его можно так назвать, производился в нейтральных водах «человеческой этики».

Отметим, что той ночью (то есть находясь в статусе *нечеловека*) начальник собрал все спиртное, которое оставили разбежавшиеся участники пирушки, и спрятал его. Появившуюся возможность аналитически связать понятие «начальство» с определением «высший отбиратель алкоголя» трудно переоценить. Спиртное на селе как наиболее распространенный посредник в повседневном обмене является сердцевинной отношений между людьми, и именно поэтому *власть нечеловека* может захотеть уничтожить его.

Мат. Существует и еще один способ уладить ситуацию. Этот способ нельзя считать категорией отношений, однако он в высшей степени функционален. Мы имеем в виду мат, располагающийся вне общедозволенного языка и проникший в языки республик прежнего Советского Союза, включая Латвию. Первоначально я заинтересовался матом именно из-за заимствования его даже языками другой языковой семьи⁴, и еще потому, что я сам слышал использование латышами мата во время событий 1991 г., когда национальные чувства

⁴ Мат якобы используют китайские рабочие в Америке, — возможно, потому, что они часто работают вместе с русскими эмигрантами третьей волны. Лично я слышал мат в Монголии.

были так сильны, что никто кроме самых махровых реакционеров не говорил на русском, то есть на «языке угнетателя».

Ранее [3] я показал, что мат вводит мораторий на социальные нормы, и освобожденные от социальных оболочек, а вместе с ними от соответствующих прав и обязанностей индивидуумы моментально конструируют либо диалог с полным взаимным согласием, либо битву с полным взаимным отрицанием. Относительно пространств «своих», «халтуры»/«блата», «человеческих отношений» и отношений с «начальством» мат организует особое риторическое пространство, где могут приниматься решения, отдаваться и исполняться приказы. Но главное заключается в том, что в этом пространстве участники уравниваются между собой, и потому при выражении мнений им можно обойти любое ограничение, свойственное всем другим пространствам.

В риторическом пространстве мата участники могут использовать только те аргументы, которые связаны с их личными, физическими и сиюминутными потребностями. Здесь нет места предварительному расчету, и слова складываются тут же. Когда вы используете мат, у вас нет никакого социального статуса: вы не наниматель и не наемный работник, не «халтурщик» и не бомж. Единственный статус — это статус равного по отношению к любому собеседнику. Если вам нужно, чтобы нечто было сделано, вам это нужно не потому, что этого требуют какие-либо обстоятельства, которые не присутствуют здесь и сейчас. Нечто должно быть сделано лишь потому, что вы хотите этого, физически и безотлагательно. И если собеседник вступает в то же пространство мата, ваша просьба будет столь же безотлагательно либо выполнена, либо отклонена.

Хотелось бы привести явный образчик, который продемонстрировал бы функцию мата внутри фирмы, однако во всех разговорах, которые мне довелось слышать, мат был так изящно вплетен в ткань диалога, что мне, вероятно, потребовалась бы по меньшей мере еще одна статья, чтобы доказать мое утверждение. Вместо этого я приведу другой пример. Разговаривали шестидесятипятилетний русский бомж и двадцатилетний сын довольно зажиточного ветеринаралагыша. Первый просил второго нанять его на работу, и это была новая ситуация, поскольку в советские времена «бомжи» вполне могли обходиться и без работы, а местные ветеринары были не богаче (или не беднее) всех прочих. Ситуация, таким образом, требовала нового решения, подобно тому, как новых решений сейчас требует формирование отношений внутри фирмы. Ниже приводится перевод речи бомжа с мата.

«Парень, работенка какая-никакая есть? Я тут парюсь целый день, делать нечего, а я, слушай, могу сено ворошить, теплицу поставить, а

может, дров тебе нарубить, а? У твоего папаши, небось, найдется работенка-то. Ну, чего мы тут весь день со старухой сидим, друг на друга зырим, как не знаю что. Ну, прикинь, вот ты и я, мы ж мигом любую работку спроворим, а, что скажешь-то?»

Все мы знаем, что, умело присоединяя к нескольким корням суффиксы и префиксы и помещая полученные слова в правильный контекст, можно обозначить практически все, что угодно: от определенной техники игры на ударной установке до частей атомного реактора. И при этом мат всегда оставляет место для творчества, так что можно не сомневаться, что любая не слишком очевидная комбинация суффиксов и префиксов, искусно внедренная в определенный контекст, будет встречена с пониманием. Так было и на этот раз.

Изюминка состоит здесь в том, что просьбу излагает человек с определенным социальным статусом: он немолод, отец троих детей, его семья имеет низкий доход, помощи извне не получает и т. п. Его просьба обращена тоже к человеку с определенным социальным статусом: молодой, из семьи деревенской элиты, имеет постоянную работу водителя грузовика и т. п. Однако параметры социального положения никак в разговоре не представлены. Старик говорил, что хочет получить работу, и не более того. Позже, если (когда) речь пойдет о деньгах, о взаимной выгоде, о том, что и как надо будет сделать, и т. п., отношения между собеседниками стратифицируются в одном из пространств *халтуры*, отношений с *начальством* или *человеческих* отношений. Но пока отношения были асоциальны, и молодой человек моментально матом ответил, что подумает.

Вот еще один пример такого же моментального сдвига в пространство мата. Однажды мы сидели вместе с работавшим в деревенской школе плотником у него дома, когда позвонил телефон. Плотник взял трубку, в которой послышался гневный голос, выкрикивавший матерные слова. На лице плотника появилось поистине жалкое выражение. Несколько раз он попытался что-то ответить, потом, похоже, отказавшись от обороны, лишь обреченно слушал и затем повесил трубку. Как оказалось, звонил его непосредственный начальник, человек под семьдесят, который разбрал его за какую-то оплошность. После разговора плотник несчастно покачал головой и сказал: «Если бы он по-людски со мной, без мата, еще куда ни шло, а так...».

Из контекста дальнейшей беседы было понятно, что в матерном разговоре глаголится истина: если проиграл, то бессмысленно оправдываться. Бессмысленно, например, размахивать кулаками и доказывать, что собеседник просто вел себя в роли *начальника*, то есть *нечеловека*, или что им двигали какие-то корыстные интересы, собственные или своих «своих».

Подобное отношение к мату отражает основной принцип культурной антропологии: любые социальные нормы в основе своей случайны и условны. Пространство мата обнажает агентов действия, сдирает с них все покрыва социальности подобно лиминальной стадии в теории Тернера [6]. Безусловно, латышам, как и другим жителям Латвии, можно найти утешение в том, что всегда под рукой есть способ послать неудовлетворяющие социальные нормы «куда подальше».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hivon M.* Vodka: The 'spirit' of exchange // *Cambridge Anthropology*. 1994. Vol. 17. No. 3. P. 1–18.
2. *Ledeneva A.* A Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.
3. *Okamoto Y.* Transnational obscenities — rhetorical space of Russian unquotable language «mat»: An anthropological study // *Annual Review of Human Studies*. 2006. Vol. 27. P. 33–53.
4. *Patino J.* Chocolate and cognac: Gifts and the recognition of social worlds in post-soviet Russia // *Ethnos*. 2002. Vol. 67. No. 3. P. 345–368.
5. *Rogers D.* Moonshine, money, and the politics of liquidity in rural Russia // *American Ethnologist*. 2005. Vol. 32. No. 1. P. 63–81.
6. *Turner V.* The ritual process: Structure and anti-structure. Ithaca: Cornell University Press, 1969⁵.

⁵ См.: Тернер В. Символ и ритуал / Пер. с англ. М.: Наука, 1983. — Прим. ред.